

ГДЕ РОДИЛСЯ КАРАМЗИН?

Вячеслав Сукайло

Казалось бы, сам Карамзин ответил на вопрос, о котором до сих пор спорят его почитатели. Напомним начало его автобиографической справки, составленной в 1805 году:

«Надворный советник Николай Михайлов Карамзин родился 1 декабря 1766 года в Симбирской губернии...»

Карамзин, правда, не указал, где именно в Симбирской губернии он родился. И вот эта безобидная недосказанность со временем привела к спору о том, какую из двух губерний — Симбирскую или Оренбургскую — надо считать родиной Николая Михайловича Карамзина.

1845 год. Симбирск. 23 августа. В этот день при большом стечении народа, в присутствии сыновей историографа Андрея и Александра Николаевичей был открыт памятник уроженцу Симбирской губернии — Николаю Михайловичу Карамзину. В этот же день известный историк Михаил Петрович Погодин, будущий автор вышедшей в 1866 году двухтомной биографии Н.М.Карамзина, здесь же, в Симбирске, произнес по случаю открытия памятника «Похвальное слово Карамзину». В конце выступления, по словам Погодина, присутствовавшие симбирские помещики начали говорить, что Карамзин

родился: «в селе Богородском» (это родовое имение Дмитриевых в Сызранском уезде Симбирской губернии), «в Михайловке» (оренбургское имение Карамзиных), «в Карамзинке» (село Знаменское Симбирского уезда — родовая вотчина Карамзиных).

Противоречивые известия симбирского дворянства смутили Погодина. В статье «Николай Михайлович Карамзин» — это была первая и не совсем удачная попытка Погодина написать цельную биографию Карамзина — он предложил читателям некий компромиссный вариант: «*Николай Михайлович Карамзин родился 1766 года, декабрь 1-го, в селе Михайловка, Симбирской губернии (!)*. И уже когда был набран этот номер журнала, Погодин получил письмо от Наталии Ивановны Дмитриевой, сестры Н.И.Дмитриева, ближайшего друга Н.М.Карамзина, в котором сообщалось, что *историограф родился в... Михайловке*.

В следующем четвертом номере «Москвитянина» Погодин публикует подборку материалов под заглавием «Несколько дополнительных замечаний к первой статье о Карамзине». В эту подборку было включено письмо Надежды Никитичны Ознобишиной, урожденной Философовой, племянницы Николая Михайловича Карамзина. Она писала Погодину, что *Карамзин родился в сельце Карамзинке, в 30 верстах от Симбирска*. Там же публиковалось и письмо Н.М.Языкова, сообщавшего, что «*по сказанию его брата, еще здравствующего Александра Михайловича*», Карамзин родился в Оренбургской губернии, в Бузулукском уезде. И еще одно письмо — Наталии Ивановны

Дмитриевой, проживавшей в Симбирске. Она приводила ряд фактов, говоривших в пользу оренбургского происхождения Карамзина... Подборку писем Погодин завершил такой фразой: «Представляем Симбирску отстаивать свои права, если может». Это «если может» могло смутить или даже покоробить кого угодно. Но симбирское дворянство не стало доказывать столь очевидное для всего симбирского общества происхождение Карамзина. Как оказалось, это была ошибочная позиция, позволившая сторонникам оренбургского происхождения Карамзина прибегать к заведомым искажениям.

Обратимся к письму Н.И.Дмитриевой. Близость Дмитриевых к семье Карамзина, многолетняя дружба ее брата, известного баснописца Ивана Ивановича Дмитриева с Николаем Михайловичем Карамзиным (мачеха Н.М.Карамзина приходилась родной теткой Наталии Ивановне), придавали особо доверительный характер сообщаемым ею сведениям. Ее письмо, или ссылки на него, приводились как серьезное доказательство оренбургского происхождения Карамзина. «...Что может быть вернее моей справки о родине Николая Михайловича от его родного брата? — вопрошала она Погодина и продолжала: — У него в книге написано рождение целого их семейства, кто где родился. Это истинно, что Николай Михайлович родился в Оренбургской губернии, в селе Михайловка, Преображенское тож. В Карамзинке родился меньшой его брат, сын моей тетки, Александр, а от первой жены все дети родились в Оренбургской губернии. Отец мой всегда смеялся, говоря своему племяннику: «Братья твои родились в Оренбургской губернии, кругом башкиры, и ни который не похож на башкира, а особенно Николай (у которого белизна лица была необыкновенная), а ты родился около Симбирска и черен, как азиатец».

Подлинность этого письма Н.И.Дмитриевой не подвергается сомнению. Вместе с тем совершенно точно известно, что 27 ноября 1845 года (!) Николай

Михайлович Языков писал в письме Погодину, что сестра И.И.Дмитриева, Наталия Ивановна, пишет ему, что *Карамзин родился в селе Знаменском Симбирского уезда*.

Как же получилось, что два взаимоисключающих сообщения о месте рождения Карамзина, исходили от одного и того же лица — Наталии Ивановны Дмитриевой! Что же (а может быть, кто?) заставило Наталию Ивановну быстро поменять свои показания? Почему в одном случае — оренбургском — Погодин печатает письмо Н.И.Дмитриевой, а в другом — симбирском — замалчивает более раннее письмо, которое должно было увидеть свет уже в третьем номере журнала? Ответа на эти вопросы мы не знаем. Но смеем предположить, что и на Н.И.Дмитриеву и на Погодина скрытое влияние оказывал один человек — Михаил Александрович Дмитриев, племянник Наталии Ивановны и Ивана Ивановича Дмитриевых. Михаил Александрович Дмитриев — одна из ключевых фигур в споре, кому из двух губерний называться родиной Карамзина.

Но вернемся к письму Н.И.Дмитриевой и обратим внимание на следующий пассаж: «У него в книге записано рождение целого их семейства, где кто родился...». «У него» — это у Александра Михайловича Карамзина, младшего брата Николая Михайловича. Именно от Александра Михайловича получила «верную справку» Н.И.Дмитриева; именно Александр Михайлович через Дмитриеву публично заявил, что располагает книгой с записями о рождении «целого их семейства», с записями, якобы неопровержимо доказывающими оренбургское происхождение Н.М.Карамзина. Почему же Александр Михайлович Карамзин, располагавший таким важным документом, как книга с записями о рождении семьи Карамзиных, находившейся, по словам Александра Михайловича, у него, не поторопился предать огласке этот в высшей степени важный для биографии Н.М.Карамзина документ?

В 1866 году Владимир Николаевич Карамзин, младший сын Н.М.Карамзина, передал в дар Карамзинской общественной библиотеке портрет отца. Но какой из двух, ныне хранящихся в Ульяновской областной библиотеке, портретов историографа был подарен Владимиром Николаевичем, неизвестно. По существующей традиции считается, что В.Н.Карамзин подарил портрет, заключенный в раму с гербом Карамзиных. Это — копия с хорошо известного портрета работы А.Г.Венецианова, так называемый портрет «Карамзина в бекеше». Особняком стоит другой портрет Н.М.Карамзина. Он не воспроизводился в печатных изданиях, не упоминался в иконографии писателя. Обращает внимание его разительная близость с гравированным портретом работы Н.И.Уткина. Известно, что этот портрет был заказан Н.И.Уткину братьями Слениными, издателями «Истории Государства Российского». В основе работы Уткина лежал карандашный рисунок, выполненный А.Г.Варнеком. Но Варнек сделал не только карандашный рисунок, но и написал портрет Карамзина маслом. После смерти Слениных следы портрета затерялись. Долго и безуспешно искал этот портрет М.П.Погодин. Сейчас портрет работы А.Г.Варнека считается утраченным. Предположительно, в Ульяновской областной научной библиотеке хранится копия с портрета работы А.Г.Варнека

Ответ на этот вопрос мы найдем в замечательном по своему содержанию документе, хранящемся в архиве Погодина, — черновом наброске начала биографии Н.М.Карамзина, который Погодин озаглавил «О родителях и первом образовании Н.М.Карамзина». Вот что писал Погодин: «*Михаил Егорович служил в Оренбурге при Неплюеве в легком полевом батальоне. Жалован с прочими офицерами землею. Уволен капитаном. По отставке жил в Оренбургской губернии, в селе Преображенском, которое устроил на пожалованной ему земле, где и родился Николай Михайлович*». И здесь же, чуть ниже, Погодин приписывает (или делает сноску?): «*Эти сведения сообщены оставшимся в живых братом Н.М.*». Оставшимся в живых братом Н.М.Карамзина ко времени написания Погодиным черновика был только Александр Михайлович Карамзин. Другой младший брат историографа — Федор Михайлович — умер в самом начале 1830-х годов. Признание А.М.Карамзи-

на, которое можно датировать концом 1840-х годов, но не позже 1850 года — года смерти Александра Михайловича, красноречиво. Во-первых, А.М.Карамзин признается, что у него нет никаких документов о роде Карамзиных и что все они, документы, остались у Ольги Васильевны Ниротморцевой, дочери Василия Михайловича Карамзина, старшего брата Н.М. и А.М. Карамзиных, последнего в роду Карамзиных владельца родового имения села Знаменское. В.М.Карамзин умер в апреле 1827 года, а это значит, что, по крайней мере с апреля 1827 года, когда О.В.Ниротморцева вошла в права владения движимым и недвижимым имуществом своего отца, у А.М.Карамзина не было никаких документов о роде Карамзиных. Все ссылки на «авторитетное свидетельство» младшего брата Н.М.Карамзина в споре о месте его рождения выглядят неубедительно.

Здесь не лишним будет дать небольшую генеалогическую справку.

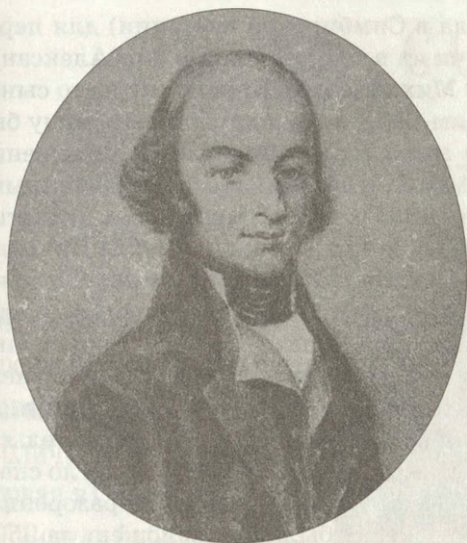
А.М.Карамзин родился в конце 1770 года. Его мать — вторая жена Михаила Егоровича Карамзина, урожденная Дмитриева. Таким образом, А.М.Карамзин через свою мать Евдокию Гавриловну приходился двоюродным братом «старинному другу» М.Н.Карамзина, баснописцу и министру юстиции в 1810–1814 годах Ивану Ивановичу Дмитриеву и его сестре, ранее упомянутой Наталии Ивановне Дмитриевой. А Михаил Александрович Дмитриев приходился ему двоюродным племянником. Интересно, что после смерти Михаила Егоровича Карамзина в 1788 году была учреждена опека над его несовершеннолетними детьми. Причем над детьми от первого брака — Николаем и Федором — опекуном был определен их старший брат Василий Михайлович Карамзин, а над детьми от второго брака — Александром и дочерью Марфой — их родной дядя Иван Гаврилович Дмитриев, отец И.И. и Н.И.Дмитриевых, дед М.А.Дмитриева.

И еще отступление. К столетнему юбилею Н.М.Карамзина в 1866 году Я.Грот и П.Пекарский издали письма Николая Михайловича Карамзина к Ивану Ивановичу Дмитриеву. Как приложение к этому изданию П.П.Пекарский напечатал две статьи: «Старинное известие об имени Карамзинных: село Михайловка, Преображенское тож» и «О годе рождения Карамзина». Статья П.П.Пекарского «Старинное известие...» претендовала на то, чтобы завершить спор о месте рождения Карамзина. После ее прочтения почти не остается сомнений в оренбургском происхождении историографа. Эта статья производила и производит до сих пор очень сильное впечатление, усиленное высочайшим научным авторитетом выдающегося историка культуры России Петра Петровича Пекарского. Им был найден и опубликован в этой статье документ, датированный 1773 годом, в котором среди соседей М.Е.Карамзина по оренбургским именьям был назван «отставной майор Александр Кудрявцев». Ко времени

опубликования статьи Пекарского уже было известно имя крестного отца Карамзина. Его впервые назвал все тот же Погодин: «Крестным отцом его (Карамзина) был сосед помещик Кудрявцев». Погодин не называл имени крестного отца Карамзина и не сообщил, в какой губернии соседом М.Е.Карамзина был Кудрявцев. П.П.Пекарский к словам «отставной майор Александр Кудрявцев» сделал небольшое примечание: «Известно, что крестный отец Карамзина носил такую фамилию». Надо отдать должное Пекарскому: он ни разу в этой статье не назвал Александра Кудрявцева крестным отцом Карамзина. Тем не менее именно этот эпизод статьи П.П.Пекарского приобретает решающее значение для большинства биографов Карамзина, когда перед ними встает проблема выбора места его рождения.

Работая с погодинскими бумагами в отделе рукописей тогдашней Ленинской библиотеки, мы обратили внимание на клочок бумаги с крайне неразборчивыми записями Погодина. Когда удалось прочитать эти записи, оказалось, что это примечание к эпизоду биографии Карамзина «крестный отец». Вот, что записал для себя Погодин: «Слышанное здесь (то есть фамилия крестного отца Карамзина. — В.С.) слышано Мих. Дмитриевым от его внучатого брата, родного племянника Карамзину, и от других, знавших не только родителей Карамзина, но и крестного его отца, соседа их Кудрявцева». К словам «внучатого брата» Погодин делает приписку: «Нужно узнать его имя. Дмитриев должен знать». И тут же рядом Погодин пишет: «Дмитриев сообщает это имя — Николай Александрович Карамзин» (умер в 1864 году в Сызрани. — В.С.).

Итак, младший сын А.М.Карамзина одним из первых назвал имя крестного отца своего знаменитого дяди. Эти сведения он мог получить только от своего отца. Если «Александр Кудрявцев» Пекарского и «Кудрявцев» Погодина — одно и то же лицо и если это тот самый оренбургский сосед М.Е.Карамзина,

И.И.Дмитриев

о котором пишет Пекарский, почему об этом молчал А.М.Карамзин? А молчал он по очень простой причине, ибо среди соседей-помещиков М.Е.Карамзина, но уже в Симбирской губернии, был тоже помещик по фамилии Кудрявцев, и звали его Александром, и был он майором в отставке. Не об этом ли симбирском соседе своего отца умалчивал А.М.Карамзин? Он-то не мог не знать, что это был муж Любови Фадеевны Кудрявцевой, урожденной Суровцевой. Александр Михайлович не мог не знать, что ей и ее сестрам и брату принадлежало село Елшанка, лежавшее в четырех верстах от села Знаменского, родового имения рода Карамзиных в Симбирской губернии! Александр Михайлович наверняка знал, что Александру Кудрявцеву, Егору Карамзину и Фадее Суровцеву принадлежало 2200 десятин неразмежеванной земли меж селами Елшанкой и Знаменским. В 1795 году эта неразмежеванная земля перешла в совместное владение Василию Михайловичу Карамзину и Алексею Александровичу Кудрявцеву. Поразительно, что долю Василия Михайловича после его смерти в этом совместном земельном владении унаследовал Александр Михайлович Карамзин. Так что молчал А.М.Карамзин во спасение им же возве-

денной лжи вокруг места рождения его старшего знаменитого брата — Николая Михайловича Карамзина.

Здесь самое время сказать о том, что подвигло его на стезю неправедности. В апреле 1827 года в селе Знаменском умер Василий Михайлович Карамзин. Ни для кого не являлось секретом, кто должен был унаследовать его движимое и недвижимое имущество. И все знали, что это завещание будет непременно оспорено. Знал это и сам Василий Михайлович и имел все основания тревожиться о действительности своего завещания, о будущем горячо им любимых людей, которым он оставлял почти все, чем владел. Эта тревога, неуверенность заставили его обратиться к прямым наследникам — родным братьям. Мы не знаем, что ответили ему Федор и Александр Михайловичи, но знаем ответ Николая Михайловича Карамзина. В Ульяновской областной библиотеке хранится единственный автограф великого земляка — его письмо старшему, любимому брату. *«С.-Петербург. 1 мая. 1822. Любезнейший братец! — писал историкограф. — Ваше истинное дружеское письмо тронуло меня до глубины сердца. Вы, конечно, не можете во мне сомневаться: воля Ваша для меня священна. Братец, все для меня свято и ненарушимо, будьте покойны. Господь да сохранит да продлит Вашу жизнь! Я не имею желания переживать людей, любимых моему сердцу: во всяком случае будьте уверены во мне, как я в Вас уверен; Вы не оставили бы моих детей в случае сиротства их. Любезнейший братец! Не хвалюсь добродетелию, однако смело скажу, что гнушаюсь жестокостию и низким корыстолюбием... Навеки преданный Вам покорнейший брат Н.Карамзин».*

Все в этом письме дышит уважением к старшему брату и благородством пишущего. По сути, это письмо призвано не только успокоить Василия Михайловича, это — фактический отказ Николая Михайловича от законно принадлежащей ему и его сыновьям той части недвижимого имения, которое заключалось

в селе Знаменском. Благородство Карамзина — и в его поручительстве за братьев. Хотя здесь Николай Михайлович ошибся. Не прошло и сорока дней после кончины Василия Михайловича, а его завещание было оспорено Александром Михайловичем Карамзиным. Сбылись недобрые предчувствия Василия Михайловича. Младший Карамзин повел процесс против Ольги Васильевны Ниротморцевой, побочной дочери В.М.Карамзина. Ольга Васильевна была одним из четырех внебрачных детей Василия Михайловича Карамзина, что само по себе не являлось редкостью в семьях провинциального, да и столичного дворянства. Классический пример — Александр Герцен. Как правило, незаконно прижитые помещиками дети обеспечивались своими отцами и получали хорошее образование.

Среди недвижимого имущества, завещанного отцом Ольге Васильевне, было село Знаменское. Именно вокруг этого села и разгорелась тяжба с А.М.Карамзиным. Последний утверждал, что село Знаменское было родовой вотчиной Карамзиных, которое, по определению российского законодательства, не могло передаваться в «другой род», то есть чужеродцам. В случае, если такая передача происходила, то родственники первоначального владельца по мужской линии имели право вернуть вотчину в род в течение сорока лет. В своих многочисленных апелляциях Александр Михайлович делал основной упор именно на незаконорожденность Ольги Васильевны, и на то, что село Знаменское было «родовой вотчиной рода Карамзиных».

Юридически притязания А.М.Карамзина были неоспоримы: по закону Ольга Васильевна не могла владеть Знаменским. Это знал и ее отец. Василий Михайлович Карамзин в своем завещании особо выделил 1600 десятин земли из неразмежеванных 2200 десятин земли при селах Знаменском и Елшанке (все

села в Симбирской губернии) для передачи их в вечное пользование Александру Михайловичу Карамзину и его сыновьям. Но Александру Михайловичу было этого мало. Финансовое положение семьи А.М.Карамзина было отчаянным: огромная семья и хроническая нехватка денег. За три месяца до смерти Николай Михайлович Карамзин начинает хлопоты по закладке, по просьбе жены А.М.Карамзина — Наталии Борисовны, урожденной Бестужевой — обремененного долгами оренбургского их имения, села Бестужевки. Только поручительство Николая Михайловича помогло спасти семью младшего брата от разорения. Бестужевка была перезаложена за 9500 рублей... А когда умер Василий Михайлович, перед А.М.Карамзиным открылась единственная возможность решить все свои финансовые трудности — получить все недвижимое имущество старшего брата. Но на пути к столь желанной цели стояла Ольга Васильевна Ниротморцева.

Александр Михайлович начал судебную тяжбу. Однако никаких документов, подтверждающих место рождения старших братьев, суду он не представил, потому что все эти документы находились у Ниротморцевых. Он ни словом не обмолвился о ставшей чуть позже знаменитой книге, где записано рождение семейства Карамзиных. Суд оставил все доводы А.М.Карамзина без внимания. Но упорство, с которым он боролся за наследство, и то сочувствие и участие, которое высказали ему его ближайшие родственники по материнской линии Дмитриевы — позднее выразилось в появлении оренбургской версии рождения Н.М.Карамзина.

Проиграв процесс, распрощавшись с надеждой владеть Знаменским, Александр Михайлович стал предавать сомнению, а затем открыто отрицать, что было написано о себе знаменитым братом-историографом — «родился в Симбирской губернии».